

Но тот человек так и не прикоснулся к нему.

Янь Цзою инстинктивно прижался к нему, и мучительное ощущение в теле немного ослабло. Из уголков губ вырвался стон.

Самому было стыдно слушать этот звук, он вызывал тошноту. Он снова оттолкнул его:

— Не трогай меня!

Гу Та следил за ними с того самого момента, как они ужинали в «Юйхуатае», и проводил до самого отеля.

Он стоял за дверью. Стоял все это время.

Звукоизоляция в номере была отличной, Гу Та не разобрал ни слова из того, что говорили внутри.

Но у него было предчувствие: обязательно случится беда!

И действительно... Чэн Хао выскочил, словно бес в него вселился, так спешил, что даже не закрыл дверь.

— Очнись! Эй! — Гу Та присел и похлопал Янь Цзою по щекам, пытаясь привести его в чувство. Тот явно был под воздействием препарата.

В таком состоянии Гу Та не мог вывести его на улицу. На людях он точно опозорился бы, а он ведь такой гордый.

Янь Цзою не только не пришел в себя, но и обвился вокруг него, мягко прильнув всем телом, словно без костей. Гу Та почувствовал на своей шее теплое дыхание и тихий, плачущий шепот:

— Поцелуй меня, ну пожалуйста.

Гу Та взглянул на валявшийся на полу шприц, на синяк на белой коже руки Янь Цзою, на густую красную сыпь, тянущуюся от живота до шеи, на лежавшие на кровати повязку для глаз, наручники и веревки. На душе стало горько.

Как вышло, что человек, которого он так лелеял в своем сердце, для кого-то другого оказался просто никем?

— Янь Цзою, очнись!!! — Гу Та легонько похлопал его по щекам.

Без толку!

Дыхание Янь Цзою участилось, лицо приобрело болезненный румянец, вид был и мучительный, и соблазнительный одновременно. Он обвил руками шею Гу Та, прижался к нему грудью, а губы заскользили по его шее, оставляя влажные следы.

От этих поцелуев у Гу Та защемило сердце.

Собрав волю в кулак, он со всей силы дал Янь Цзою пощечину. Под действием препарата тот и так едва стоял на ногах, а после удара и вовсе потерял равновесие и повалился на пол, глядя в потолок расплывчатым взглядом.

Гу Та приподнял его:

— Янь Цзою! Посмотри хорошенько, это я, Гу Та!

— Спаси меня! — по лицу Янь Цзою потекли слезы, волосы растрепались и прилипли к щекам, а во взгляде читалась крайняя степень отчаяния.

— Как тебе помочь? — Гу Та на мгновение остолбенел, осознав, что задал глупый вопрос. Состояние Янь Цзою говорило само за себя.

Янь Цзою ткнул пальцем себе ниже пояса, жалобно, со слезами на глазах:

— Плохо... помоги...

В Писании сказано: «Не буди возлюбленного моего, пока он сам не захочет».

Гу Та, естественно, не стал бы пользоваться ситуацией, иначе потом всю жизнь корил бы себя.

Он подхватил Янь Цзою на руки, отнес в ванную, усадил в ванну и открыл холодную воду, надеясь, что это поможет снять жар.

Ледяная вода окатила Янь Цзою с головой, и тот начал хныкать, что ему холодно.

Гу Та шагнул в ванну и, обняв Янь Цзою сзади, принялся утешать:

— Ничего, ничего, все пройдет, все пройдет...

Но Янь Цзою схватил его руку и прижал к своему возбуждению, обернулся и лизнул его шею:

— Так плохо... помоги...

Когда ладонь Гу Та коснулась того места, сердце у него на мгновение замерло, а затем заколотилось как бешеное.

— Ничего... ничего... все пройдет... все пройдет... — эти слова Гу Та говорил скорее себе.

Летний дневной зной был невыносим, и лишь к вечеру город начал понемногу оживать. На небе еще висела большая часть закатного солнца.

Кончики пальцев побелели от долгого пребывания в воде.

В номере кондиционер был выставлен на низкую температуру, да и вода в ванне была холодной. Но Янь Цзою не было холодно — его согревали крепкие объятия.

Янь Цзою пошевелился, и Гу Та тут же проснулся.

С плеском воды Гу Та выбрался из ванны, облокотился на ее край и, озарив комнату солнечной улыбкой, спросил:

— Ну как? Все еще плохо?

Янь Цзою покачал головой:

— Спасибо.

Услышать от Янь-гэ «спасибо» было делом нелегким. Гу Та подумал, не повредился ли тот умом от жара, и приложил руку к его лбу:

— Если плохо — скажи, я тебя в больницу отвезу.

Э-э...

— Ты что здесь делаешь? — Янь Цзою бросил на него колкий взгляд.

Гу Та почесал затылок:

— Телефон вернуть, конечно.

— Который час?

— Шесть.

Ничего, еще рано. Начинается в восемь. Янь Цзою поднялся. Сыпь на теле уже почти сошла, остались лишь обширные красные пятна. Гу Та тоже встал и поправил на нем халат.

Янь Цзою оттолкнул его, ступил босыми ногами на пол, сделал два шага и, словно полностью обессилив, мягко осел на ковер.

Гу Та не выдержал такого зрелища, подхватил его на руки и усадил на диван.

Янь Цзою, не глядя на него, холодно бросил:

— Можешь идти.

Гу Та проявил наглость:

— Не пойду.

Янь Цзою спросил:

— Как долго следил?

Гу Та ответил:

— От «Юйхуатая» до самого отеля.

Янь Цзою спросил снова:

— Что слышал?

Гу Та ответил:

— Ничего.

Янь Цзою спросил еще раз:

— Что видел?

Гу Та ответил:

— Ничего.

Ответы были вполне удовлетворительными. Янь Цзою смягчился:

— А где мой телефон?

Гу Та протянул ему аппарат.

Янь Цзою открыл список контактов и набрал номер [Чэн Хао]. Гу Та, увидев это, на душе стало противно. Неужели этот подлец того стоит?

— Чэн Хао, я спрошу тебя об одном... Да, у меня сексуальная брезгливость, сейчас сказать еще не поздно.... Не переводи тему, я спрашиваю: зная об этом, ты все еще будешь со мной?... Катись к черту, я тебя бросаю! — Янь Цзою говорил твердо, и выражение лица у него было соответствующее.

Но тут...

— Ничего страшного, я буду тебя баловать.

Авторское примечание:

Гу Та: Вообще-то я давно подозревал, мысленно уже подготовился.

Глава 16. Я всегда знал.

Солнце потихоньку складывало крылья, и когда последний его луч скрылся в багряных вечерних облаках, на небе начало подниматься другое, большее и яркое светило. Ему непременно суждено взойти до зенита.

— Ничего страшного, я буду тебя баловать. — Гу Та, стоя на одном колене, поднял голову и озарил комнату светлой улыбкой.

Его обещание звучало по-мальчишески, не так вычурно, как у Чэн Хао, но зато искренне.

... Забавно.

Янь Цзою протянул руку и стукнул его по голове:

— Ах ты, гад, давно знал, да?

Гу Та потер макушку:

— Не бей, а то не вырасту!

Янь Цзою презрительно фыркнул:

— И когда ты успел узнать?

— Это... это... — Гу Та теперь дрожал как осиновый лист. Это же было равносильно признанию! Пьяному, как говорится, море по колено. Он заметил на столе недопитую Янь Цзою бутылку, ловко налил себе полный стакан.

Янь Цзою, вспомнив, как вчера Гу Та в мгновение ока превратился в Гу Вана, настоящего

проказника, выхватил у него стакан и потребовал:

— Давай, говори!

— В тот день, когда я тебе платье отдал.

Янь Цзою вспомнил ту ночь и поделенную пополам палочку фруктового льда:

— Значит, ты тогда меня проверял?

Похоже, он раскрыл нечто чрезвычайно важное. Янь Цзою с видом повелителя закинул ногу на ногу и устроил допрос:

— Ну-ка, рассказывай, как раскопал?

Гу Та глубоко вдохнул:

— Когда я тебя впервые увидел, у тебя уже был приступ. Я тогда подумал, что у тебя просто брезгливость или аллергия на что-то. На следующий день мы столкнулись в «Фениксовом переулке», ты упал, вся одежда в пыли, а приступа не было. Я начал сомневаться, что дело в брезгливости. А на третий день, когда ты пришел за платьем, нас избили, а потом я тебя словесно пощупал... и, как и следовало ожидать... у тебя опять случился приступ. Тогда я и аллергию исключил. Подумал, что ты просто не выносишь... близости с людьми. — Последние слова он произнес едва слышно, сделал паузу и украдкой взглянул на лицо Янь Цзою.

Выслушав, Янь Цзою лишь протянул:

— А...

Гу Та занервничал:

— Ты злишься?

— С чего бы? — Янь Цзою парировал вопросом. — И вообще, с чего это ты так мной озаботился?

— Я... я... — Гу Та запнулся.

— Что «я-я»? Говори давай, не тяни, а не хочешь — катись отсюда! Братец Янь не намерен с тобой время терять. — Гу Та был еще слишком молод, и Янь Цзою отлично знал, о чем тот думает, но хотел заставить его высказаться.

— Я тебя люблю! — выпалив это, Гу Та почувствовал невероятное облегчение, словно сбросил огромный груз. Но это было лишь на мгновение — впереди его ждало мучительное ожидание ответа.